

ПОНЬ

РАДУГА

1860.

ЖУРНАЛЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВЪ ФЕОДОСИИ, ПРИ АРМЯНСКОМЪ ХАЛИБОВСКОМЪ УЧИЛИЩЪ

НА ЯЗЫКАХЪ: АРМЯНСКОМЪ, РУССКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Подписка принимается: въ Феодосии — въ конторѣ типографіи армян. халиб. училища, въ Тифлісѣ у г. Р. Шадирова, въ Константинопольѣ у г. С. Энгюзельяна.

№ 6.

ДОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА:

За годъ	8 р. сер.	} перес.
Одной армянской части	6 *	
Одной русской съ французскою	4 *	

Содержание: Армянский епископъ Николай и армяне въ Польшѣ (*продолженіе*). — Чобанъ: Разсказъ изъ быта горскихъ татаръ въ Крыму (*окончаніе*). — Внутреннія известія. — Обозрѣніе главнѣйшихъ событий вѣтшней политики. — Смѣсь.

АРМЯНСКІЙ ЕПИСКОПЪ НИКОЛАЙ

АРМЯНЕ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Переводъ съ армянскаго)

(Продолженіе)

Архимандритъ Хачадуръ сознавалъ силу своего противника, архіепископа Николая. Онъ зналъ, что не въ состояніи будетъ противиться ему, и потому, не желая быть хладнокровнымъ зрителемъ его низкихъ поступковъ, онъ удалился въ монастырь святаго Креста. Туда послѣдовалъ за нимъ и Николай, задумавъ, для совершенія исполненія своихъ коварныхъ за-

мысловъ, какими бы-то ни было средствами склонить на свою сторону архимандрита Хачадура. И вотъ съ этимъ намѣреніемъ, въ сопровождѣніи пѣкоторыхъ изъ своихъ приверженцевъ, онъ отправился въ монастырь св. Креста, приказавъ стражѣ слѣдовать за собою и по прибытіи на мѣсто окружить монастырь. «Если васъ спросятъ кто о причинѣ вашего прихода, сказаль-

онъ имъ, отвѣтѣте, что вы присланы начальствомъ схватить какого-то шпиона, скрывающагося въ монастырѣ.» Тамъ, указавъ на солдатъ, окружавшихъ монастырь, онъ объявилъ архимандриту Хачадуру объ угрожавшей ему опасности, вызвался принять его подъ свое по-кровительство и уговорилъ бѣхать къ себѣ, гдѣ, какъ увѣрялъ его, онъ будетъ виѣ опасности. Архимандритъ Хачадуръ склонился на это предложение, и они вмѣстѣ отправились въ городъ. Дружное обхожденіе и вниманіе, какое оказывалъ ему Николай здѣсь, совершило его обезоружило. Но скоро между нимъ и польскими монахами, подсыпаемыми Николаемъ, стали возникать частныя препія о догматахъ вѣры. Архимандритъ Хачадуръ никогда не сходился въ мнѣніяхъ съ своими противниками, при этихъ спорахъ. Но, видя наконецъ, что Николай не оставляетъ его въ покое отъ своихъ іезуитскихъ происковъ, архимандритъ Хачадуръ призналъ лучше возвратиться въ Эчміадинъ,—и все видѣніе и слышаніе разсказали тамъ католикосу Мойсею и всему братству. Львовцы, съ своей стороны, отправили вмѣстѣ съ архимандритомъ Хачадуромъ священника Симеона и еще какое-то, всѣми уважаемое лицо, поручивъ имъ передать католикосу обо всемъ, что они терпятъ отъ Николая, и просить его защиты. Сей миролюбивый патріархъ написалъ письма къ папѣ, королю польскому и львовскому католическому архіепископу, въ которыхъ подробно изложилъ участіе армянъ въ Польшѣ и безчеловѣчные поступки архіепископа Николая, прося сжалиться надъ ними и не оставлять ихъ безъ храмовъ Божіихъ. Отвѣтъ папы заранѣе можно было бы предугадать, ибо онъ долженъ былъ соотвѣтствовать мысламъ и желаніямъ іезуитовъ. Онъ заключался въ слѣдующемъ: «Пусть львовскіе армяне, писалъ онъ, примутъ католическую вѣру. Пусть каждый армянинъ дастъ клятвенное обѣщаніе не признавать надъ собою власти своего католикоса или епархиальныхъ начальниковъ и покориться владычеству папы, тогда я прикажу возвратить имъ церкви.» Король польский, вѣльможи и даже католический архіепископъ, въ этомъ случаѣ, явили болѣе состраданія къ армянамъ, нежели ихъ епископъ Николай. Они приказали ему возвратить отнятый имъ церкви народу, но іезуиты воспротивились имъ. Тогда Владиславъ, король польской самъ, съ большимъ торжествомъ, отправился въ армянскую церковь, чтобы силою отнять у архіепис-

копа Николая армянскіе церкви и вручить ключи отъ нихъ народу. Но архіепископъ Николай, узнавши о намѣреніяхъ короля, облачился въ ризу, взялъ чашу съ свѣтлами, и встрѣтилъ его у входа церкви. Такой смѣлый поступокъ Николая произвелъ на легкомысленнаго короля сильное впечатленіе, такъ что онъ возвратился изъ церкви, не предпринявъ ничего рѣшительнаго. Армяне, увидѣвъ, что и сама свѣтская власть не могла ничего сдѣлать Николаю, взяли рекомендательный письма отъ короля Владислава и католического архіепископа и сами отъ себя отправили депутатовъ въ Римъ просить защиты у папы. Но Николай послѣдовалъ за посланными. Посредничество тамошнихъ іезуитовъ дало дѣлу такой оборотъ, что при изслѣдовании его, папа нашелъ справедливымъ Николая и обвинилъ народъ. Тогда несчастные армяне, потерявъ послѣднюю надежду на избавленіе отъ тиранства Николая, съ грустью возвратились домой. Послѣ этого архіепископъ Николай гораздо смѣлѣе началъ дѣйствовать, утѣшила народъ и принуждая его обратиться къ католичеству.

Такъ какъ тѣжба съ народомъ стоила ему большихъ издержекъ, то чтобы пополнить ихъ, онъ тайно продалъ евреямъ за пичтожную цѣну многія церковныя вещи, взятые изъ отнятыхъ у народа армянскихъ церквей. Армяне, узнавъ о такомъ святотатствѣ Николая, подали вновь на него жалобу королю, папѣ и католикосу; но никто не внялъ имъ. Король остерегался вмѣшиваться въ распри народа съ духовною властію, а папа опасался, что обличивъ злодѣянія архіепископа Николая, онъ потеряетъ этимъ всякую надежду на обращеніе армянъ въ католиковъ. Пока узналъ католикость Филиппъ о случившемся, пока онъ понялъ все возмутительное значеніе поступка Николая, для того, чтобы принять какія либо мѣры и успокоить народъ,—несчастнымъ обществомъ польскихъ армянъ овладѣли уныніе и отчаяніе.

Наконецъ львовскіе армяне, оставленные всѣми, пали къ ногамъ Николая—ихъ мучителя, умоляя его сжалиться надъ ними, не оставлять ихъ неутѣшными и не лишать ихъ храмовъ Божіихъ. Но Николай не внялъ ихъ просьбамъ. «Если и вы, какъ я, сдѣлаетесь католиками, сказалъ онъ имъ, то церкви мои всегда будутъ открыты вамъ; въ противномъ случаѣ, я васъ не знаю, и церквей моихъ не прикажу отворять для васъ; идите куда хотите и дѣлайте, что можете.»

(До слѣдующ. №)

ЧОБАНЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БЫТА ГОРСКИХЪ ТАТАРЪ ВЪ КРЫМУ.

(Окончаніе)

Уже два года Селиме была невѣстою. Она полюбила жениха своего, но не торопилась выходить замужъ, не желала, чтобы свадьба ихъ была съыграна поскорѣ; ей было хорошо, ей такъ нравилось положеніе невѣсты. Халиль, какъ только его отара находилась близъ деревни, каждый вечеръ приходилъ къ ней; она укрadкой засматривалась на его красивое, смуглѣе лицо и красиѣла, когда чувствовала его взглядъ; но не скучала по немъ когда онъ уходилъ на Яйлу, — и всегда терпѣливо ожидала его возвращенія. Вдругъ Селиме стала замѣтать, что ея Халиль сдѣлался задумчивъ, началъ рѣже приходить къ нимъ и наконецъ, передъ байрамомъ, она не видѣла его болѣе недѣли; а между тѣмъ она знала, что его отара была близко. Въ то время, когда онъ ее соеваталъ, свадьба была назначена чрезъ два года; эти два года уже прошли, и послѣ байрама должна была быть ихъ свадьба; но Халиль не вспоминалъ объ этомъ; да еще и пересталъ къ нимъ ходить. Мусульма нѣсколько разъ замѣчала объ отсутствіи чобана, но всегда къ этому прибавляла, что онъ вѣрою хлопочетъ о покупкѣ сада и о томъ, чтобы сдать своихъ овецъ. Селиме между тѣмъ случайно узнала, что женихъ ея еще не сдавалъ овецъ; она терялась въ догадкахъ; сердце ее заныло, и она почувствовала, какъ крѣпко любить своего Халиля! Еще на бѣду, старая Аїфе наговорила ей, что онъ прошлаго лѣта нѣсколько разъ спускался въ Кучукъ-кокъ къ Осману, у котораго дочери красавицы. Все это очень беспокоило бѣдину Селиме. Поливая свой садикъ, на берегу рѣки, она частенько ронила слезы и боялась выходить на улицу, чтобы не замѣчали, какъ заплаканы бывали глаза ея. Селиме, съ замираніемъ сердца, ждала вечера въ тотъ день, когда начался нашъ разсказъ. Она предчувствовала почему-то, что въ этотъ вечеръ долженъ прйти къ нимъ Халиль. Она тщательно заплела свои волнистые косы и нѣсколько разъ смотрѣлась въ зеркальцѣ, сходила къ фонтану, принесла воды, и пемного погодя, пошла въ свой садикъ.

«Здравствуй, матушка!» — сказалъ онъ, войдя въ домъ невѣсты, подѣвъ на карточкахъ къ огню и оглядываясь кругомъ. «Что здоровы ли все, все ли благополучно у васъ?»

— Слава Богу, — отвѣтала Мусульма: — все

благополучно. Будь и ты здоровъ, сынъ мой! —

Чобанъ вынуль изъ кармана кисетъ, набилъ маленьку трубку и выбиравъ щипцами уголекъ въ каминъ, поглядывалъ въ уголь, завѣшанный пестрою занавѣской.

«А что тебя давно не было видать? — спросила заботливо старушка. — Все ли у тебя благополучно?»

— Все, все благополучно, отвѣчалъ краснѣя чобанъ. А гдѣ дочь твоя?

«Она, кажется, вышла, вѣрно въ саду сидитъ; позвать?»

Чобанъ кивнулъ головою.

Мусульма вышла. Халиль всталъ, бросилъ трубку, походилъ по избѣ и опять сѣлъ къ огню.

Мусульма вернулась, а за нею тихо вошла Селиме и остановилась у дверей.

Чобанъ оглянулся и сѣдалъ знакъ рукою, чтобы она подошла поближе; но дѣвушка не трогалась съ мѣста.

«Что ты такая суровая?» тихо спросилъ Халиль. «Подойди, засмѣйся. Что же ты боишься меня сегодня или сердишься на меня?» Говоря это, онъ подкладывалъ въ потухавшій огонь хворосту, который вдругъ вспыхнулъ и освѣтилъ дѣвушку. Она улыбнулась, замѣтивъ хитрость своего жениха, подошла и сѣла возлѣ матери.

Чобанъ задумался. Замѣтило было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, да не зналъ какъ начать. Тяжелый вздохъ вырвался у него изъ груди.

«Я хотѣлъ купить себѣ еще овецъ» началъ онъ. «Я еще прошлаго лѣта торговалъ отару у старого Османа изъ Кучукъ-кай; да онъ, мошенникъ, дорого хотѣлъ тогда; вчера онъ былъ здѣсь, мы и сторговались.»

У Селиме отлегло отъ сердца. «Такъ вотъ зачѣмъ онъ ходилъ къ Осману! Ахъ, проклятая Аифе! Какъ она на него наклепала!» Дѣвушка взглянула на него, взоры ихъ встрѣтились; она вспыхнула и отвернулась.

Чобанъ замѣчалъ, стаѣ ворочать въ огнь своею палкою, не замѣчая, что она обуглилась, — и не зналъ, какъ опять начать разговоръ.

«А что» спросила Мусульма: — «сторговалъ ты садъ у головы, уступилъ онъ тебѣ?» Халиль покраснѣлъ. Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ быстро: — я не сошелся съ нимъ въ цѣнѣ, онъ не уступаетъ. Я пришелъ сегодня за тѣмъ, чтобы

сказать вамъ объ этомъ. Свадьбу надо отложить до будущей весны. У меня не станетъ денегъ, чтобы купить садъ, тѣмъ болѣе, что теперь я покупаю овецъ. Вамъ тутъ жить хорошо, еще можно отложить свадьбу на одинъ годъ.

«Твоя воля,» отвѣчала покорно Мусульма. «Ты господинъ, дѣлай какъ знаешь, дѣвка моя еще молода, пусть себѣ еще погуляетъ.»

Чобанъ взглянуль на Селиме; она была блѣдна и пристально смотрѣла на него. Сердце у него скжалось; онъ замолкъ и стала поправлять уголья. Наконецъ онъ опять сказалъ: — Всѣ наступаетъ байрамъ чрезъ два дня; я пришесъ Селиме стамбульскіе браслеты и кунакъ. Я хочу, чтобы моя Селиме была краше всѣхъ въ байрамъ, чтобы всѣ знали, какъ она дорога мнѣ!

Говоря это, онъ положилъ къ ногамъ своей невѣсты серебряные браслеты, такой-же кунакъ и ожерелье изъ турецкихъ червонцевъ. Но она не брала ихъ. Лице ея внезапно вспыхнуло; она сидѣла, опустивъ глаза; въ сердце ея сладко отзывалось слово: я хочу, чтобы всѣ знали, какъ она дорога мнѣ! Онъ любить меня! подумала она и слезы радости и счастія скатились по пылающимъ щекамъ ея. Она была чудно хороша въ эту минуту. Чобанъ пожиралъ ее глазами.

Мусульма ничего не замѣчала, она разматривала подарки у огня.

Селиме чувствовала взоръ жениха. Она поняла какъ сильно онъ любить ее! Она быстро встала, приложила руку къ сердцу въ знакъ благодарности и выскочила за порогъ.

«Глупая дѣвка!» пробормотала Мусульма, собирая подарки: — и поблагодарить хорошенъко стыдится.»

Чобанъ всталъ, не закурилъ даже трубки, едва слышно сказавъ, что уже поздно, что онъ придется завтра — и вышелъ. Онъ заглянулъ въ садикъ. Въ эту минуту луна только-что выплыvalа изъ за моря и освѣтила серебрянымъ свѣтомъ своимъ Селиме, стоявшую подъ молодой черешней. Халиль тихо подошелъ къ ней, осмотрѣлся, охватилъ одною рукою стройный станъ дѣвушки, а другою приподнялъ головку ея и страстино поцѣловалъ.

Селиме испустила легкій крикъ, вырвалась

изъ его объятій и бросилась отъ него, остановившись у дверей своего дома. Чобанъ изѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее, потомъ сѣдалъ ей знакъ рукою, она отвѣтила ему тѣмъ же — и скрылась за дверью.

Долго не могла она заснуть. Уже третыи пѣтухи пропѣли, а она лежала съ открытыми глазами и глядѣла въ маленькое окно, сквозь которое пробивался свѣтъ луны. Никогда еще не была она такъ счастлива! Ее не беспокоило то, что Халиль отложилъ свадьбу еще на годъ, лишь бы онъ любилъ ее! Подарки, слова его, взгляды, первый поцѣлуй его, который еще жегъ ей уста, — все это было вѣрнымъ доказательствомъ его любви.

Наступилъ первый день байрама. Татары ходили по деревнѣ, разодѣтые въ цвѣтныя, шитыя серебромъ куртки и богатые кафтаны. Со всѣхъ сторонъ раздавались оглашающіе звуки *даула*, или огромнаго барабана. Молодыя дѣвушки, въ пестрыхъ кафтанахъ, опоясанныхъ цвѣтными платками или дорогими поясами, плясали на плоскихъ крышахъ домовъ своихъ; волосы ихъ, заплетенные въ мелкія косы и слегка прикрытые красной, шитой шапочкой, развѣвались по вѣтру. Дѣти прыгали и кричали, стараясь подражать старшимъ. Женщины въ шелковыхъ кафтанахъ, въ кисейныхъ, шитыхъ золотомъ и шелками бѣлыхъ покрывающихъ, грациозно откинутыхъ на длинныя косы, сидѣли кружками, смеялись и громко разговаривали. Старухи, сидя у пороговъ своихъ домиковъ любовались, глядя какъ молодежь веселится.

Краше всѣхъ была Селиме; она раззвѣла и повеселѣла. Одѣтая въ богатый кафтанъ, въ шитой золотомъ шапочки, опоясанная серебрянымъ кунакомъ, и въ желтыхъ вышитыхъ серебромъ *терликахъ* (туфляхъ). Она сѣла радостью. Всѣ глядѣли на нее съ удивленіемъ: еще недавно она была такъ блѣдна и печальна; а теперь смеялась громче всѣхъ, шутила съ подругами, и яркій румянецъ горѣлъ на щекахъ ея.

Халиль, въ синей, вышитой золотомъ курткѣ, затянутой серебрянымъ поясомъ, весело прохаживался съ молодыми парнями не подалеку отъ дома, гдѣ плясала его невѣста, и украдкой поглядывалъ на нее.

— Вотъ ты и повеселѣла, Селиме, говорила ей Гюльсюмъ, когда она сѣла отдохнуть.

— Какой на тебѣ новый поясъ дорогой! Вѣрно чобанъ подарилъ?

«Да,» отвѣчала Селиме красица. «Онъ принесъ мнѣ его къ байраму, и эти браслеты и ожерелье также.»

— Видишь, какой онъ добрый! А ты говорила что онъ разлюбилъ тебя, и вѣрила этой старой Аифе. Чтожъ, когда свадьба?

«Онъ отложилъ свадьбу до будущаго года; онъ не могъ купить сада, не хватило денегъ, онъ прикупилъ еще овецъ; за тѣмъ-то онъ и ходилъ къ Осману въ Кучукъ-кай.»

— А вотъ видишь ли! Я тебѣ говорила, что эта чертовка врѣть; но все бы лучше было теперь сыграть свадьбу. Ужъ какъ бы мы повеселились!

«Нѣтъ» возразила живо Селиме. «Я рада, что свадьбу отложили. Я еще дѣвушкой погуляю, и въ слѣдующій байрамъ буду болѣе всѣхъ плясать!»

— Что это тамъ за красавица? — спросилъ у прохожаго щеголевато — одѣтый татаринъ, указывая на Селиме и играя цѣпочкой отъ часовъ. — Вонъ тамъ, въ красномъ кафтанѣ, съ такими длинными косами и черными глазами?

«Это дочь Ислама, того, что здѣсь когда-то держалъ табачную лавочку. Онъ давно умеръ, а она съ матерью теперь живетъ.»

Халиль слышалъ этотъ вопросъ. Онъ сидѣлъ на бревнахъ, сложенныхъ противъ дома, на которому его невѣста писала съ подругами. Онъ нахмурился и машинально взялся за ножъ.

— Настоящая красавица! началъ опять щеголь, пристально глядя на Селиме. — А что она видно богата? Исламъ, вѣрно, не мало оставилъ своей вдовѣ?

«Онъ ничего не оставилъ,» отвѣчалъ одинъ изъ татаръ. «Да у нея дядя умеръ и имъ оставилъ садъ, они его продали, да и живутъ теперь помаленьку.»

— Славная дѣвка! Давно я небылъ у васъ въ деревнѣ — виши сколько красотокъ подросло! Но краше этой нѣть ни одной — глаза такъ и искрятся! А что, она совсѣтана?

«Да что ты — жениться что-ли собираешься, Куртъ-Сенѣдъ, что на дѣвокъ заглядѣлся?»

спросилъ пожилой татаринъ, кладя ему руку на плечо.

— Да не худо-бы было жениться. Моя жена умерла, да и хорошо сдѣлала—такая хворая была, и дѣтей не оставила. Такъ вотъ я и выбираю себѣ невѣсту; вотъ эта миѣль больно приглянулась!

«Ужъ поздно, братъ! Она третій годъ какъ совсѣма, да еще за какого молодца!»

— А скоро ихъ свадьба? спросилъ Куртъ-Сенъ, пахмуривъ брови.

— «Женихъ говорилъ миѣль вчера, что въ будущую весну.»

— «Какой—любопытный, господинъ прѣзжай,» сказалъ подхоля Халиль. «Видно у васъ дѣвушекъ нѣть, что все на нашихъ засматриваются.»

— «А тебѣ, что за дѣло! Я не у тебя глаза занялъ, свои хорошо видать. Я гость хозяина этого дома, и ему родственникъ прихожусь. Ты чего присталъ, я тебѣ мѣшаю что-ли или мѣсто твоё занялъ?»

— «Мѣсто не занялъ» отвѣчалъ сердито Халиль:—но и я здѣсь не чужой и пѣю голосъ. Я не пойду глядѣть на дѣвокъ въ чужую деревню, да и тебѣ не совѣтую, бѣды наживешь!»

— «Ну полно, полно,» вступилъ старикъ, слыша ихъ крупный разговоръ. «Чего вы запороли? Да еще подѣлъ моего дома. Пойдемъ-ка, гость, лучше ко миѣль да о дѣлѣ потолкуемъ. Дѣвчата-то видно замѣтили что на нихъ глядѣть—очи потупили и пласать перестали.»—И положивъ руку щеголю на шею, онъ повелъ его къ себѣ въ домъ.

— «Кто это?»—спросилъ Халиль у молодого татрина.

— «Это Куртъ-Сенъ, изъ Айвасии. Онъ торговлей занимается, лѣсъ на суда доставляетъ и имѣеть большіе отары, богатый!»

— «Чортъ съ нимъ, съ его богатствомъ,» ворчалъ Халиль.

— «Чего ты сердишься? Видно что чобанъ—въ горахъ живѣшь, такъ дикаремъ и смотришь. Ну похвалишь твою невѣсту—вѣдь не сѣмнадцать? Она и неслыхала, чего взѣрошился, эка бѣда! Ну женись скорѣе, хвалить перестанутъ.»

Халиль вспыхнулъ. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди его. Онъ отошелъ прочь, сѣль

одинъ поодаль и сталъ смотрѣть на пляшущихъ дѣвушекъ.

Во все время праздниковъ Халиль былъ печаленъ, издали слѣдилъ за своею невѣстой, прислушивался къ разговорамъ и всюду искалъ Куртъ-Сенъ; наконецъ ему сказали, что тотъ уѣхалъ—и онъ немного поуспокоился.

Каждый вечеръ онъ приходилъ къ невѣстѣ, и всегда приносилъ ей какіе нибудь подарки. Съ нею онъ становился веселѣе, шутилъ, смеялся и оставался у нихъ долго по вечерамъ. Селиме была счастлива, смигѣла теперь разговаривала съ женихомъ своимъ, и одинъ разъ вдругъ спросила у него:

— «А что правда, что у старого Османа изъ Кучукъ-кой есть три дочки красавицы?»

— «Не знаю красавицы ли онъ» отвѣчалъ Халиль: «кромѣ моей чёрноглазой Селиме, миѣль все дѣвушки постыли. А тебѣ же это кто сказалъ?»

— «Говорить!» отвѣчала смигѣла Селиме. «Да еще разговариваютъ, что чобаны на нихъ заглядываютъ!»

— «Можетъ быть» отвѣчалъ Халиль: «но не тѣ, которые видѣли мою Селиме!» Въ это время Мусульма пошла зачѣмъ-то въ сундукъ и Халиль украдкой сорвалъ поцѣлуй съ румяной щечки своей невѣсты.

Прошелъ байрамъ. Татары занялись обычными работами: кто разсаживалъ табакъ, кто подвязывалъ виноградъ. Женщины принялись за пряжу. Дѣвушки вышивали въ пальцахъ платки и полотенца. Селиме, которой приданое уже было готово, начала вышивать себѣ кисейное покрывало шелками и золотомъ.

Чобаны собирались въ горы. Халиль наканунѣ долго сидѣлъ у своей невѣсты—онъ былъ очень веселъ. Она подарила ему новый кисетъ, а онъ надѣлъ ей на шею красивыя бусы, купленныя у прохожаго разношника. Онъ обѣщаѣлъ прийти къ байраму, который долженъ быть среди лѣта. На прощанье онъ крѣпко поцѣловалъ Селиме, и она, тайно отъ матери, осмѣлилась, въ первый разъ отплатить ему тѣмъ-же. Они разстались счастливыми.

Рано утромъ, чобаны собрали свои отары, запасшись провизіей и солью для овецъ, и отправились на Яилу, гдѣ ожидали ихъ зеленые

луга и свѣжий воздухъ горъ. Къ вечеру они поднялись уже довольно высоко, такъ что вся деревня, гдѣ жила Селиме, вся лѣсистая долина въ которой она была раскинута, были у нихъ передъ глазами. Тутъ чобаны расположились на почлегъ и развели огонь, собираясь готовить ужинъ. Халиль прилегъ на траву, закурилъ трубку и глядя въ даль, сказалъ своему любимому товарищу, чобану Мурату:

«Славная доля чобана, Муратъ! Трудно разстаться съ нею! Ужъ какъ я люблю мою невѣсту—яснѣ солнца она для меня! Но немогу и ради нея покинуть разгульной жизни чобана! Жить все въ деревнѣ—и подумать страшно! Хоть я и знаю, что буду жить съ нею, а какъ подумаю, что надо разстаться съ отарой, съ товарищами, неходить болѣе на Яилу, разстаться съ любимыми горами, съ этимъ раздольемъ.... Ухъ, какъ страшно и невесело станетъ!»

— Я бы ужъ и не задумывалъ жениться,—сказалъ, садясь на камень Муратъ и выѣскай огонь.—Охота тебѣ, Халиль, съ бабой связаться! Пойдутъ ребятишки, крикъ, плачь, забота!... То-ли дѣло наши овцы, блеютъ себѣ на раздольи, точно чують, что идутъ на зеленые луга родной Яилы!

«Жену-то хорошо иметь!» сказалъ задумчиво Халиль: «особенно красавицу, и ребятишки красивые будуть, а она и присмотритъ тебѣ, и приголубитъ, и взглянетъ ласково.... Радостно подумать! Но разстаться съ горами и долинами,ѣздить съ маджарою, возиться съ волами, пахать, сѣять, косить... Охъ, тяжелая эта работа! Теперь—воленъ какъ птица, гдѣ зелено тамъ и домъ, подъ каждымъ деревомъ уснешь себѣ сладко; проснешься, свиснешь, залаютъ собаки, подымутся овцы, идешь себѣ, не зная ни заботъ, ни трудовъ! Поднимешься на Яилу, оглянешься,—все твоё, куда не повернешься, всюду воля, и раздолье; сгрустнешься, поиграешь въ хосилѣ^(*) и тоску разгопишь! Да и тосковать то о чёмъ? Горя нѣть. Подоишь овецъ, сольешь молоко, да и дѣлу конецъ! Ходишь себѣ, или лежишь цѣлый день. Былъ я воленъ, какъ вѣтеръ въ полѣ, не зналъ, ни горя, ни заботъ,

увидѣлъ черные очи Селиме, защемило сердце, приколдовала она меня, злодѣйка! Но нашихъ горъ я не разлюбилъ, они миѣль все также мылы, и не знаю что миѣль—горы или моя черноглазая?.... А знаешь, Муратъ! Вѣдь когда я засватаю Селиме, я сказалъ ея матери и всей деревнѣ, что свадьба будетъ черезъ два года. Нынче, какъ пришелъ срокъ, какъ времѧ-то стало приближаться къ сдачѣ отары, такая тоска на меня напала—мѣста не находилъ, но чи не спалъ. Вы, бывало, спите вѣтъ сладко у огня, а я сижу себѣ, да трубку покуриваю. Думалъ, думалъ, не стало силы—совсѣмъ извелся! Нѣть, думаю, погуляю я съ вами еще этотъ годъ на Яилѣ,—а тамъ ужъ женюсь, такъ и быть, брошу отару! Вотъ и рѣшилъ. Я думалъ, что старуха Мусульма заупрямится, попрекать станетъ, къ эфенди^(*) еще жаловаться на меня пойдетъ. И дѣвку жаль миѣль было; пожалуй подумаетъ, что обманываю. Цѣлую не дѣло я глазъ не показывалъ къ нимъ; наконецъ пришелъ, да и говорю, что свадьбу надо отложить еще на годъ, что денегъ не хватаетъ, чтобы купить садъ,—старуха и не перекорила. Ну такъ отъ сердца и отлегло! Еще лѣто и зима у меня впереди остались,—и весело взглянула я на свою невѣсту; она миѣль краше дія показалась... Ну такъ бы и взялъ, да и увѣль на Яилу,—да законъ не позволяетъ, да и вы вѣтъ, стали бы на нее заглядывать, а миѣль бы досадно было. Нѣть, лучше такъ. Ужъ пусть она еще при матери живѣтъ. А я себѣ чобаномъ буду, вольной птицей. Вотъ на байрамъ пойду, погляжу на нее, да опять къ вамъ вернусь. Ой, славная жизнь чобана!» прибавилъ онъ, разтягиваясь на травѣ—«Привольная жизнь!»

Медленно подвигались чобаны съ своими отарами, по нѣсколько разъ отдыхали, ночью разводили огни, жарили шашлыкъ-кебабъ^(**) пѣли пѣсни, плясали, и утомленные, засыпали на травѣ подѣлъ потухающихъ костровъ; вѣрные псы стерегли ихъ овецъ.

Наконецъ они поднялись на вершину Яилы. Между скалъ разстилались обширные луга, зе-

(*) Мулла. Эфенди—почетный титулъ, который татары даютъ обыкновенно вѣтѣ духовнымъ или ученымъ лицамъ.

(**) Куски баравиши, жареные на вертеле.—Русскіе называютъ ихъ въ Крыму обыкновенно шашлыками отъ татарского шашъ—вертель.

(*) Инструментъ въ родѣ свирѣли.

лесные холмы, равнины. Ни одного деревца нигде, кое-где торчали голые скалы; вдали синело море и зеленели берега его. Волновались лесистые горы и пестрели деревеньки.

Пришли чобаны за хозяйством. Окруженными дорогами, привезено было на маджарахъ все, что нужно; бочки для катыка, чаны для кипячения молока и кое-какая посуда. Чобаны торопливо поправляли развалившіеся отъ снѣговъ прошлогодніе шалаши свои. Разводили огни, и изъ глубокихъ пещеръ привнесены были снѣги.

Когда всѣ приготовленія были окончены, пришли къ нимъ чобаны соудниихъ деревень, съ своими отарами и начали пиръ и пляски подъ звуки зуркы; (***) пѣсни и веселье длились далеко за полночь. Когда отпраздновали новоселье и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ,— взгрустило Халилу по невѣстѣ; онъ взошелъ на высокую скалу, съ которой видѣлся Аюдагъ и окрестные лѣса, а между ними серебрилась рѣчка, близъ которой жила его милая Селиме. Онъ долго глядѣлъ въ ту сторону.

«Загубила ты меня, черноглазая овечка»— сказали онъ со вздохомъ. «Не тотъ я сталъ! Здѣсь, на раздольныхъ зеленыхъ лугахъ сердце по тебѣ тоскуетъ! А сойду въ деревню, тоскую по горамъ и по волѣ. Горе мнѣ! Разстаться жаль съ отарой и со свободою, и тажко жить безъ тебя, моя чернобрювая!»

И долго сидѣлъ онъ на скалѣ, раздумывая— кто ему мнѣ: горы и свобода, или его Селиме? И не замѣтилъ онъ, что трубка его давно погасла и что солнце уже послѣдними лучами своими освѣщало окраины горъ.

—Приколдовала тебя дѣвка,— говорилъ ему Муратъ, замѣтивъ грусть на лицѣ товарища.— Ой, не быть тебѣ долго чобаномъ! Смотри, Халиль, скоро ты покинешь настъ!

«Нѣтъ!» отвѣчалъ Халиль: «не кину я васъ, я рѣшился оставаться женихомъ еще года три, и до того отары не брошу. А тамъ уже—будь что будетъ. По васъ я тосковалъ больше. Зимою хорошо—и дѣвку вижу и съ вами не разстаюсь; только лѣтомъ тоска по ней, но лѣто проходитъ скоро. Мать, старуха добрая, пере-

корить не будетъ; а вѣдь у насъ часто дѣвки лѣтъ пять, шесть при матери живутъ. Такъ я рѣшилъ, такъ и будешь.»

—Ну вспомни меня,— возражалъ ему Муратъ:— не вернешься ты сюда на будущее лѣто, не приводить намъ съ тобою еще новоселья, на Яилъ!

«Врешь, вернусь!» говорилъ съ досадою Халиль.

Но время проходило. Наступилъ Курбанбайрамъ (*). Халиль сталъ собираться въ деревню.

—Не ходи!— говорилъ ему Муратъ:— она тебя въ конецъ околдуетъ, твоя черноглазая чертовка.

Но Халиль не слушалъ его, все уверялъ, что еще года три будетъ чобаномъ, и раньше ни за что не покинетъ отары.

Таковъ обычай у горскихъ татаръ, что чобаномъ можетъ быть только холостой; женившись, чобанъ сдается свою отару и долженъ уже заняться домашнимъ хозяйствомъ. Этотъ-то обычай такъ и страшилъ Халиля.

Въ первый день байрама, съ разсвѣтомъ ушелъ онъ отъ своей отары. Чобаны ходятъ по горамъ чрезвычайно легко и скоро; вечеромъ Халиль, уже разряженный, прохаживался по своей родной деревнѣ, гдѣ опять гремѣла музыка и опять раздавалось пѣніе. Дѣвушки, по обыкновенію, весело плясали на крышахъ домовъ своихъ, или на дворѣ. Халиль скоро замѣтилъ свою невѣсту; и она должно быть его увидѣла, потому что покраснѣла и опустила глаза. Халиль издали любовался ею, вмѣшившись въ толпу. Вдругъ онъ увидѣлъ щеголя Куртъ-Сенда изъ Айвасиля; тотъ важно сидѣлъ на обрубкѣ дерева, передъ домомъ на которомъ прохаживалась съ подругами Селиме. Громко разговаривая съ татарами и искоса поглядывая на дѣвушекъ, онъ разсказывалъ хвастливо что былъ въ Ахметечѣ (**) и купилъ себѣ пару такихъ лошадей, какихъ во всемъ Крыму не найдешь. Халиль здѣбно слѣдилъ за нимъ,

(*) Праздникъ жертвоприношеній; бываетъ обыкновенно 60 дней спустя послѣ первого байрама. Въ это время рѣжутъ барановъ и раздаютъ бѣднѣмъ.

(**) Симферополь.

но разсказчикъ не замѣчалъ его и продолжалъ говорить.

Солнце стало спускаться за горы. Куртъ-Сенда сказалъ, что ему пораѣхать, и взявъ съ собою нѣсколькоихъ татаръ, удалился.

Халиль долго еще ходилъ по деревнѣ. Дѣвушки разошлись по домамъ; было почти темно, когда онъ пошелъ къ своей невѣстѣ.

Спустившись къ рѣчкѣ, и проходя мимо плетня, ему вдругъ послышалась голосъ Куртъ-Сенда. Чобанъ остановился; голоса слышны были за плетнемъ; но густой кустъ дикихъ розъ заслонялъ говорившихъ, и Халиль не могъ ихъ видѣть.

—Смотри же, старуха, не обмань меня! Обманешь—жива не останешься. Берегись! А если все исполнишь, видишь эти червонцы? Вѣтъ твои будутъ.

«Какъ-же я смѣю обманывать тебя, господинъ ты мой!» говорилъ женскій, пискливый голосъ! «Что я за сумасшедшая? Все сдѣлаю, какъ приказываешь. Кто себѣ врагъ, я бѣдная женщина, горемычна, ни кто не пожалѣеть меня, чѣмъ прокормлюсь я....»

—Ну, ну, не хныкай, старая чертовка!— говорилъ Куртъ-Сенда:— когда все въ деревнѣ утихнутъ, я съ товарищами буду у рѣчки. Погрызть кулаки свои этотъ задорный чобанъ! Улизнетъ его невѣста, не увидитъ онъ ее, какъ ушѣй своихъ! Пусть жалуется—поздно будетъ! Кто удалѣй, тому она и достанется.

Не взвидѣлъ свѣта Халиль! Въ ушахъ его зазвѣнѣло! Опѣ стиснуль кулаки и хотѣлъ броситься на Куртъ-Сенда, но опомнился. «Если теперь нападу на него,» подумалъ онъ въ минуту: «то все дѣло можно испортить.» Тихими шагами отошелъ онъ отъ плетня и повернувъ въ переулокъ, добѣжалъ до дома Селиме и присѣлъ тамъ на камнѣ, чтобы собраться съ мыслями. Къ счастію въ эту минуту проходили мимо два его товарища, Али и Булатъ, удалые и сильные парни. Онъ окликнулъ ихъ, и подойдя къ нимъ, сказалъ:

«Мнѣ нужно потолковать съ вами, товарищи, но только тайкомъ.»

—Пойдемъ къ намъ, ты знаешь, у насъ кроме глухой матери нашей, никого нѣтъ.

Они вошли въ домъ, который стоялъ не по-

далеко. Халиль затворилъ дверь, и въ короткихъ словахъ рассказалъ имъ слышанный разговоръ.

—Ахъ, мошенникъ!— вскричалъ Али:— виши что задумалъ, нашихъ невѣсть воровать!... Хорошо же,— мы тебя проучимъ!

«Постой!» сказалъ Булатъ: «если ихъ будетъ много, то намъ съ ними не справиться а вѣдь надо порядкомъ проучить этого проклятаго щеголя, чтобы отбить у него охоту воровать дѣвушекъ.»

—Чтобы онъ живой не остался,— вскричалъ Халиль:— такъ его откатаемъ! Я самъ живъ не буду, если его до смерти не приколочу!

«Ну, хоть до смерти, не до смерти!» говорилъ разсудительный Булатъ: «а ужъ угостимъ его порядкомъ. Ты иди теперь, дружище, къ своей невѣстѣ, а я пойду къ силачу Балбеку,— онъ лихо кулаками воюетъ, и товарищъ добрый, онъ пойдетъ съ нами непремѣнно. Ты, Халиль, посидишъ съ поль-часа у невѣсты, да какъ только услышишь свистъ, такъ и выходи къ намъ, мы будемъ ждать на мѣстѣ.»

Халиль поблагодарилъ добрыхъ товарищѣй и пошелъ къ Селиме. Онъ былъ такъ разстроенъ, что ни чего не могъ говорить, сидѣлъ и молча курилъ трубку.

—Что съ тобою сегодня, сынъ мой?— спросила заботливо Мусульма.

«Усталъ» отвѣчалъ чабанъ: «высплюсь, все пройдетъ.»

Селиме съ беспокойствомъ на него поглядывала и тоже молчала.

—Знаешь, сынъ мой,— сказала Мусульма: когда встрѣтишься съ старой Аифе, что изъ Кучукъ-кой, постращай ее хорошенъко; мнѣ дочька говорить, что она поймала ее сегодня, да и стала бранить тебя: говорить, что ты не любишь своей невѣсты, что ты ее обманываешь и что она тебя разлюбила; что у нея найдется другой женихъ, получше тебя. Дѣвка пришла сегодня вся въ слезахъ, и рассказала это мнѣ.

«А ты, вѣришь?» спросилъ Халиль, пристально смотря на свою невѣсту.

—Нѣтъ,— съ твердостію отвѣчала Селиме, — и никому не повѣрю. Аифе ужъ не въ пер-

(*) Инструментъ, въ грубомъ видѣ напоминающій квартетъ.

вый разъ говорить мнѣ это, я только рассказывать позабывала.

«Проклятая баба!» проворчалъ Халиль.

Въ это время кто-то свинулъ. Чобанъ поспѣшилъ встать, простился и вышелъ.

—Что съ нимъ сегодня? —сказала Мусульма. —Точно его кто сглазилъ. Въ лицѣ все мѣняется, самъ не свой.

Селиме не отвѣчала, но ей было грустно.

Когда Халиль выходилъ онъ шепотомъ скажалъ Мусульмѣ, которая провожала его:

«Затвори, матушка, покрѣпче дверь свою, говорять, иначе воры ходятъ.»

За плетнемъ, у сосѣднаго дома стояли его товарищи; они размѣстились вдоль плетни, присѣвъ подъ кустарниками, такъ что нельзя было подойти къ двери Селиме, не пройдя мимо нихъ. Они стояли молча, въ ожиданіи враговъ. Въ деревнѣ все стихло; только кое-гдѣ былъ слышанъ лай сабакъ.

Вдругъ они увидѣли, что по рѣчкѣ тихо проѣхало пѣсколько всадниковъ, которые сошли съ лошадей, привязали ихъ къ дереву; одинъ изъ нихъ остался стеречь лошадей, а остальные четверо пошли къ дому Селиме и остановились у плетни, за которымъ скрывались Халиль и его товарищи.

Въ это время вышла старуха изъ-за угла, подошла къ дверямъ Мусульмы и начала стучаться.

—Кто тамъ? —спросила Мусульма за дверью.

«Впусти меня, Мусульма!» кричала Аифе, «мнѣ очень нужно переговорить съ тобою.»

Куртъ-Сенідъ стоялъ за старухой и уже сдѣлалъ знакъ товарищамъ, чтобы они приблизились; но едва тѣ подошли къ нему, какъ на нихъ посыпалась камни и Халиль напалъ на Куртъ-Сеніда; товарищи его бросились на остальныхъ. Началась схватка.

Аифе все кричала, чтобы отворили ей двери; по Халиль, услышавъ, что Мусульма уже шевелитъ задвижкой, громко закричалъ ей:

—Не отворай, не отворай, матушка! Береги doch!

На шумъ сѣжалась пѣсколько постороннихъ татаръ; завязалась страшная драка. Куртъ-Сенідъ отчаянно защищался; по Халиль, какъ дѣти на гораздо сильнѣе его и ловче, напосилъ ему

такие мѣткіе удары, что плохо бы было его противнику, если бы товарищи не остановили разсвирѣвшаго чобана. Сообщники Куртъ-Сеніда, также порядочно избытые, посадили его чуть живаго на лошадь, и быстро ускакали съ нимъ, провожаемые проклятіями и ругательствами.

Когда все утихло, Халиль сталъ стучаться въ дверь Мусульмы; но старуха съ дочерью были до того перепуганы, что едва рѣшились отворить ему. Онъ рассказалъ Мусульмѣ все, что случилось, и успокоилъ ее, просилъ по крѣпче запирать двери и ложиться спать спокойно. А самъ пошелъ къ товарищамъ и поблагодарилъ ихъ отъ всей души за помощь.

—Не бойсь, говорилъ Булатъ, — теперь Куртъ-Сенідъ и черезъ годъ не покажется въ нашей деревнѣ! Да и спины-то онъ скоро не разогнеть; ты его порядкомъ поподчила.

«Еслибъ не вы,» отвѣчалъ Халиль, «врядъ бы ему живому оставаться!»

—Да, дай тебѣ волю, а потомъ развѣдывайся! А теперь, что онъ возмѣстъ? Невѣста твоя у него изъ подъ носа ушла, да еще шишечку сколько на носу-то, я думаю, вскочило.

На другой день вся деревня только и толковала о томъ, какъ словно поколотили Куртъ-Сеніда за то, что онъ хотѣлъ украсть невѣсту чобана. Вечеромъ Халиль пришелъ къ своей Селиме и рассказалъ ей всѣ подробности происшествія прошлой ночи; и тутъ же рѣшился, что какъ только спустятся съ горъ отары, онъ разсчитается съ хозяевами, сдастъ свою отару и сына граетъ свадьбу. А для того, чтобы кто-либо снова не рѣшился украсть его невѣсту, онъ, подъ предлогомъ перестройки ся дома, попросилъ эфенди, который находился ему съ роднѣ, взять къ себѣ Селиме съ матерью; за что онъ обѣщалъ хорошо заплатить ему. Старой Аифе онъ сказалъ, что если она осмѣлится еще разъ говорить съ его невѣстой, или станетъ затѣвать опять какія нибудь козни, то онъ выбѣть ей послѣдніе ея зубы.

Возвратившись на Яйлу, Халиль не радовался больше ни своей свободѣ, ни разгульной жизни въ горахъ; сонъ его никогда не былъ покоенъ: все ему сплюснуло, что крадутъ его невѣсту. Пѣсколько разъ спускался онъ съ горъ

и приходилъ въ деревню, чтобы узнать все ли благополучно. Какъ ни бралиль его Муратъ, сколько ни попрекалъ его,—ничего не помогало.

«Совѣтъ загубила его эта колдуны!» говорилъ Муратъ. «Сохрани меня Аллахъ отъ такой напасти! Никогда на дѣвокъ и глядѣть не хочу—въ нихъ самъ чортъ сидитъ.»

При первыхъ дождяхъ на Яйль, въ началѣ сентября, спустился нашъ чобанъ съ горъ, разсчиталъ съ хозяевами, передалъ свою отару Мурату, купилъ себѣ порядочный садъ и съигралъ свадьбу. Ужъ какъ тогда празднікъ былъ въ деревнѣ! Всѣ старожилы такого не запомнятъ. Цѣлую недѣлю пировали на свадьбѣ Селиме и Халиля. Но Муратъ не согласился придти на праздникъ къ Халилю, сколько тотъ не уговаривалъ его.

Онъ на отрѣзъ отказался, боясь быть околдованнымъ какою-нибудь черноглазой колдуньей.

Теперь Халиль живетъ семьяниномъ; собираетъ виноградъ и фрукты изъ своего сада, пашетъ и сѣть хлѣбъ, сажаетъ табакъ. Когда вспоминаетъ о своей чобанской жизни и когда при этомъ всгрустнется ему, то онъ взглянетъ на молодую жену свою, прileжно сидящую за пріажей, да посмотритъ на черноглазаго мальчика, который играетъ у ногъ своей матери—и такъ порадуется сердцемъ, что забываетъ тогда и про свои горы и лѣса—и весело работаетъ въ саду своемъ. Но, чтобы не укради у него его чернобровой красавицы, онъ взялъ изъ отары самую злую собаку, и на ночь привязываетъ ее у воротъ своего дома.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТИЯ.

Радуга считаетъ одною изъ главныхъ обязанностей своихъ сообщать читателямъ всѣ мѣры и постановленія правительства, относящіяся до развитія промышленности и торговли на Кавказѣ, какъ потому, что въ этой отрасли общественной деятельности принимаютъ большое участіе армяне, такъ и потому, что развитіе торговой и промышленной дѣятельности на Кавказѣ имѣтъ существенное влияніе на болѣе близкіе къ Кавказу крымскіе порты—керченскій и єодосійскій. Въ недавнѣе время послѣдовали по этому предмету два весьма важные Высочайшии указы, данные правительствующему сенату 31 марта, въ коихъ изображено:

I. «Для развитія торговли и промышленности въ землѣ войска черноморскаго, Мы, согласно представленію Нашего намѣстника кавказскаго, признаемъ полезнымъ учредить въ предѣлахъ сего войска ва Азовскомъ морѣ, у темрюкскаго лимана, торговыи портъ а на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ темрюкскою станицею, портовой городъ Темрюкъ, даровавъ иѣкоторыя льготы и преимущества лицамъ, желающимъ селиться въ этомъ городѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣ вѣ-виду, что учрежденія на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря города Анапа и Новороссійскъ, вслѣдствіе событий минувшей войны, не могутъ существовать на прежнемъ основаніи, Мы признаемъ необходимымъ упразднить сіи два города, предоставивъ жителямъ ихъ водвориться въ новомъ городѣ Темрюкѣ.

II. «Въ-видѣ развитія на Кавказѣ торговли и промышленности и водворенія началь мирной граждан-

ской жизни между покорными горскими племенами, признавъ полезнымъ, согласно представленію Нашего намѣстника кавказскаго, обратить находящуюся на военно-грузинской дорогѣ изъ Россіи въ Закавказье, впереди главнаго хребта кавказскихъ горъ, крѣпость Владикавказъ, съ прилегающимъ къ ней крѣпостнымъ форштатомъ, въ городѣ, и даровавъ разныи льготы и преимущества лицамъ, желающимъ водвориться въ сѣмъ городѣ, мы утвердили составленные намѣстникомъ и разсмотрѣнныи въ кавказскомъ комитетѣ положеніе обѣ управления городомъ Владикавказомъ и штатъ сего управлѣнія.

— Вмѣсто Шамахи возведенъ на степень губернскаго города уѣздный городъ Баку, куда и переведены всѣ шамахинскія губернскія присутствія мѣста.

«Учреждается общество на Кавказѣ, въ родѣ тѣхъ христіанскихъ братствъ, какія извѣстны въ исторіи юго-западной Россіи, для распространенія христіанской вѣры, между горскими племенами Кавказа, иѣкогда насажденій тамъ и потомъ подавленій послѣдовавшимъ преобладаніемъ магометанства. Для поддержанія общества на счетъ добровольныхъ приношеній, учреждаются въ православныхъ церквахъ Россіи особы кружки.»

— Высочайше повѣлено: дозволить, въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ, вносить акцизъ за крымскую соль въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ въ теченіи девѧтии мѣсяціевъ со дня привоза, съ соблюдениемъ установленныхъ для сего правилъ.

— Въ Экон. Указ. помещено: Одесск. Вѣсти. передаетъ слухъ, что уѣзднымъ городомъ вмѣсто Ялты, назначается Балаклава. Дѣйствительно послѣдняя имѣеть передъ первою иѣкоторыя преимущества: Балаклава обладаетъ превосходною бухтою, имѣеть до 1500 дес. городской земли и 30 т. капитала; въ ней достаточное число казенныхъ зданій.

— Въ Кинешевѣ 20 мая открыто телеграфическое сообщеніе. — Телеграфное управление объявило, что на станціяхъ: въ Мелитополѣ Бердянскѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ и Новороческѣ допущена корреспонденція съ заграницею, на иѣменскомъ и французскомъ языкахъ.

Во всѣхъ газетахъ припечатано объявление отъ государственного коммерческаго банка, что имъ заготовлено уже значительная часть государственныхъ пятипроцентныхъ билетовъ, выдача которыхъ нача-

лась съ 17 мая. При этомъ распубликована и форма билетовъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ иѣкоторыхъ газетахъ, на приобрѣтеніе 5% билетовъ затрачена сумма въ 250 миллионовъ рублей.

— Въ 16 № Акціонера напечатано, что «возникъ проектъ о перемѣнѣ наружной формы нашихъ кредитныхъ билетовъ. При помощи фотографіи вышней бумаги поддельваются очень ловко, такъ что необходимо пришло подумать о чемъ-нибудь новомъ, болѣе трудномъ. Говорить, что задача эта разрѣшена удовлетворительно, и новыя ассигнаціи, недоступныя свѣтотисчи, будутъ чрезвычайно красны. На мелкихъ изобразится памятникъ Минину и Пожарскому.» Одесск. Вѣсти. сообщаєтъ тоже: Образцы новыхъ бумажныхъ денегъ утверждены; цѣла останутся тѣ же, что были; но измѣненъ будетъ только рисунокъ билетовъ.

ОБОЗРѢНИЕ ГЛАВНѢЙШѢХЪ СОБЫТИЙ ВИШНЕЙ ПОЛИТИКИ

(28 мая)

Италия слова начинаетъ волноваться. Возстаніе въ Сициліи, о которомъ мы упомянули въ прошломъ обозрѣніи, день оть дня принимало большия размѣры и становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ, несмотря на официальная извѣстія изъ Неаполя, что восстаніе подавлено и порядокъ въ Сициліи восстановленъ, тогда какъ онъ тамъ далеко не былъ восстановленъ. Никто ни въ Сициліи, ни въ Неаполѣ не хочетъ и не можетъ болѣе выносить равнодушно и спокойно положенія дѣлъ, созданного настойчивостію неаполитанскаго короля, Франциска II, воспитаннаго іезуитами, который и слышать не хочетъ о справедливыхъ уступкахъ требованіямъ народа.

Сицилійское восстаніе превратилось теперь въ открытую революцію. Взрывъ давно подготовился. Возстаніе, какъ видно, было глубоко задумано. Въ немъ принимаетъ живое участіе почти вся аристократія острова. Внуки первого министра, принца Коссаро стояли во главѣ восстанія. Оно встрѣтило полное сочувствіе во всѣхъ классахъ народа, не исключая и духовенства, которое въ восстаніе въ Палермо играетъ главную роль. Монахи лежащаго около Палермо францисканскаго монастыря явились наиболѣе дѣятельными и энергическими участниками движенія. Въ монастырь было ввезено тайно большое количество пороха и разнаго оружія — и въ 5 часовъ утра, въ среду на святой недѣль, монастырскій колоколь подаѣтъ первый сигналъ къ восстанію. Многолѣтній гнѣтъ, іезуитское управление, преслѣдованія и казни заставили сицилиевъ возстать всею массою противъ притѣснителей, съ тою силою и энергией, на какія способны жители юга. И потому, люди всѣхъ званій и состояний привѣли участіе въ движеніи.

Въ одно время съ восстаніемъ въ Палермо обнаружилось восстаніе въ Мессинѣ, Трапани и другихъ городахъ острова. Палермскіе инсургенты, въ первой атакѣ, были разбиты королевскими войсками. Но они разсѣялись въ окрестностяхъ города, по деревнямъ и селамъ, где нашли самый радужный пріемъ у жителей, и где преслѣдованіе отдѣльныхъ группъ непріятеля, среди гористой мѣстности, оказалось затруднительнымъ для королевскихъ войскъ. Иаконецъ палермскій гарнизонъ, получивъ подкрѣпленіе, успѣлъ оттеснить либераловъ внутрь острова. Хотя восстаніе этимъ нисколько не было подавлено, хотя то тамъ, то здѣсь безпрерывно обнаруживались новые вспышки, хотя сицилиевъ все еще не покорились, но можно было предвидѣть, что они должны будуть уступить иаконецъ материальной силѣ т. е. огромному количеству дисциплинированнаго неаполитанскаго войска. «Регулярное войско — это могучая машина» — замѣчаетъ англійская газета Times въ статьѣ объ экспедиціи Гарибальди. «Не было почти примѣра въ исторіи, чтобы восставшій народъ могъ сопротивляться хорошо организованной военной силѣ, безъ чьей-либо посторонней помощи.» Эту помощь принесъ восставшимъ сицилиевъ генералъ Гарибальди. Съ появлениемъ въ Сициліи его волонтеровъ, дѣло восстанія приняло другой оборотъ. Знаменитый герой 1848 года, теперь горячо преданный Пьемонту, появлялся всегда и вездѣ, где только шла борьба за независимость Италии. Постоянно мечтающей объ одному, о независимости и единству Италии, посвятившей этой идеи лучшіе годы своей жизни, Гарибальди не могъ не явиться въ Сициліи, где его браты сражаются за ту же самую идею. И потому, его нельзя судить въ

этомъ дѣлѣ, какъ справедливо говорить Times, съ точки зреія международного права и обвинить въ томъ, что онъ поднялъ оружіе противъ государства, находящагося въ мирѣ съ его отечествомъ.

Представляемъ здѣсь главнѣйшія мѣста изъ прокламаціи Гарибальди къ итальянцамъ. Его прокламаціи къ римлянамъ, итальянцамъ и приказъ по войску объ альпійскихъ егеряхъ распространены теперь въ Италии въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

«Итальянцы!

«Сицилианцы сражаются противъ враговъ Италии — и за Италию. Помогать имъ золотомъ, оружіемъ и особенно силою собственныхъ рукъ — обязанность каждого итальянца.

«Спасеніе Италии началось съ того дня, когда мы всѣ, дѣти одной страны бросились на помощь братьямъ своимъ, находившимся въ опасности.

«Если мы оставимъ храбрыхъ сыновъ Сициліи безъ своей помощи, то кромѣ вооруженныхъ наемниковъ Бурбона — имъ придется еще сразиться съ наемниками Австріи и съ наемниками папы, который царствуетъ въ Римѣ.

«Храбрый найдетъ для себя оружіе повсюду.

«Вооружимся, сразимся за своихъ братьевъ, завтра мы сразимся за самихъ себѣ.

«Италия и Викторъ Эммануилъ — были нашъ воинский крикъ, когда мы переходили чрезъ Тессино. Пусть онъ раздается теперь у подножія пылающихъ скалъ Этны.

«Этотъ пророческій крикъ битвы, повторенный отъ величайшихъ горъ Италии до скалы Тарпейской, заставитъ сокрушиться уже разкачавшійся престолъ — и всѣ восстануть, какъ одинъ человѣкъ.»

«И такъ — къ оружію! Покончимъ однимъ ударомъ всѣ наши вѣковыя страданія. Докажемъ миру, что именно въ этой странѣ жило то могучее, римское племя!»

Гарибальди.

«Я не совѣтовалъ восстанія въ Сициліи» — сказалъ Гарибальди въ другой изъ своихъ прокламацій — «но мой долгъ помочь сицилиевъ, которымъ воинский крикъ: Италия и Викторъ-Эммануилъ!» — Этотъ-то воинский крикъ всего болѣе и пугаетъ неаполитанское правительство. Во всемъ населеніи Сициліи пробудилось теперь сочувствіе къ общентальянскому дѣлу. Оно не желаетъ, какъ въ 1848 году, образовать изъ себя самостоятельное государство, его теперешняя цѣль — присоединиться къ Пьемонту подъ скіпетромъ конституціоннаго короля, Виктора Эммануила. Самъ Мадзини, который по газетнымъ извѣстіямъ, руководилъ восстаніемъ въ Сициліи, вместо своей прежней мечты объ итальянской республикѣ, стала проповѣдывать восстанію во имя присоединенія къ Пьемонту. — Вокругъ горстки храбрыхъ приверженцевъ Гарибальди сосредоточилось теперь все населеніе Сициліи: весь островъ возсталъ со дня высадки на его берегахъ альпійскихъ егерей Гарибальди.

Вотъ какъ приведена въ исполненіе экспедиція генерала Гарибальди. Сложивъ съ себя, письмомъ къ королю Виктору-Эммануилу, званіе члена пьемонтскаго парламента и генерала сардинской арміи, Гарибальди выѣхалъ изъ Генуи съ 5 на 6 мая, на собственной яхтѣ, подъ предлогомъ путешествія въ Мальту, и немедленно присоединился къ двумъ коммерческимъ пароходамъ, на которые было посажено до 2000 его альпійскихъ стрѣлковъ. Сардинское правительство противилось этой экспедиціи, но остановить ее не могло. Едва пароходы «Ломбардія» и «Пьемонтъ» съ волонтерами Гарибальди, показалось въ виду Сициліи, какъ за ними погнались иѣсколько военныхъ неаполитанскихъ судовъ. Но волонтеры, съ орудіями и багажемъ, успѣли удачно высадиться на берегъ въ Марсалѣ, одномъ изъ значительныхъ городовъ острова, известномъ своимъ виномъ. Одновременно произведены были высадки отдельныхъ отрядовъ въ другихъ мѣстахъ. Гарибальди привезъ съ собою 20 парѣзныхъ пушекъ и 15,000 ружей, которыхъ немедленно были разданы жителямъ острова. Мгновенно къ его отряду присоединилось около 6000 сицилиевъ. Въ тоже время начали формироваться отдельные отряды волонтеровъ въ различныхъ мѣстахъ острова.

Неаполитанское правительство знало объ экспедиціи Гарибальди заранѣе, и потому имѣло довольно времени, чтобы приготовиться къ отпору. До 50 тысячъ человѣкъ неаполитанского войска сосредоточено на островѣ Сициліи. На вѣтрѣ волонтерамъ выступилъ гарнизонъ изъ Палермо. О первыхъ схваткахъ извѣстія довольно разнорѣчивы, хотя по всему должно заключить, что они были не въ пользу королевскихъ войскъ. Первое серьезное дѣло было подъ Калатабіими, где солдаты неаполитанского короля были на голову разбиты волонтерами — и въ безпорядкѣ бѣжали къ Палермо. По окончаніи битвы, генералъ Гарибальди принялъ на себя званіе диктатора Сициліи отъ имени короля Виктора Эммануила и двинулъ тоже, въ сѣдѣ за бѣжавшими королевскими войсками, къ Палермо. Послѣдня телеграмма изъ Санктпетербурга, отъ 10/21 мая, помѣщенная въ Одесск. Вѣсти., извѣщаетъ, что у Палермо произошла жестокая битва между волонтерами Гарибальди и королевскими войсками, но результатъ битвы еще неизвѣстенъ. По смыслу этой депеши слѣдуетъ заключить, что исходъ битвы у Палермо не былъ въ пользу солдатовъ короля; иначе, если бы они одержали верхъ, то неаполитанское правительство повторило бы возвѣстить о победѣ. Эта депеша совпадаетъ съ получениемъ въ Одесѣ другой депеши изъ Генуи отъ 27 мая, въ которой положительно сказано, что Гарибальди послѣ пораженія королевскихъ войскъ, съ победой вступилъ въ Палермо.

Экспедиція генерала Гарибальди составляетъ теперь главный интересъ дня. На нее исключительно обращено вниманіе Европы. Всѣ другія события блѣдѣютъ передъ этой смѣлымъ предпринятіемъ. Впечатлѣніе,

произведенное Гарибальдиевскою высадкою на Италию, было весьма сильно. Всёльдь за высадкой, кроме восстания на острове, вспыхнуло возмущение и на материке королевства Объединённой Сицилии — в Калибрине (против Сицилии) и даже в Абронии, гористой стране, где находятся высочайшие вершины Апеннинов. Известие о первом поражении королевских войск произвело весьма сильное влияние на Неаполь, где 15 ч. обнаружилось большое волнение в народе: и дворь и правительство были в движении. Опасаются, что волнение в неаполитанском королевстве отзовется и в римских владениях. — Гарибальди лишь только сел на корабль, отправился не прямо в Сицилию; чтобы обмануть преследовавшего его суда, он пристал к Тальмоне (в Калибрине), укрепленное место на границах папских владений. Отсюда он послал свои провозглашения, призывающие итальянцев к оружию. Участие в замыслах Гарибальди присыпают и сардинскому правительству. Но граф Каура официально опроверг это обвинение. Онь изъясняет несолько разъ французское правительство, что Пьемонт также как и Франция не одобряет экспедиции Гарибальди; но воспрепятствовать этой экспедиции сардинское правительство не могло. Гарибальди пользуется всеобщим сочувствием в Северной и средней Италии, особенно же сочувствием войска. Английская журналистика высказывает большое сочувствие к Гарибальди и к сицилийской экспедиции, и сочувствие это находит живой отголосок во всемъ населении Англии. Заподозриваются, что у англичан тут есть свои задумки и желания: тесная дружба съ Сицилией усиливает значение Англии на Средиземномъ морѣ. Даже обвиняли Англию, подобно Сардинии, что она способствует смутамъ на югѣ Италии. Безъ сомнѣнія обвинители находятъ въ этомъ слишкомъ далеко. Министерская газета *Morning Post* положительно отвергаетъ и

это обвиненіе и участіе Сардиніи въ сицилийскомъ восстании, и говорить, что ходъ событий самъ по себѣ внушилъ сицильянцамъ мысль о присоединеніи къ Пьемонту. Органъ Лорда Нельстона выражаетъ сожалѣніе, что молодой неаполитанский король не посыпалъ советамъ иностранныхъ державъ и своего двора, герцога Сиракузского относительно перемѣны системы внутреннаго управления въ своемъ королевстве, и этимъ успѣлъ только возстановить противъ себя храбрый народъ свой. *Morning Post* предвидѣтъ, что сынъ Фердинанда Бурбона увеличитъ собою число изгнаниковъ королевскихъ фамилий и екѣ-королей Италии. Изъ Англіи отправилось въ Сицилию много волонтеровъ къ отряду Гарибальди. Между ними кроме итальянцевъ, есть много итальянцевъ, венгръ, французовъ и даже нѣсколько англичанъ. Тамъ же открыта денежная подпись для вспоможенія отряду Гарибальди. Подпись и пользу солдатъ соединенной Италии не запрещена и во Франціи; запрещено только обнародовать имена подписчиковъ.

Итакъ, вопросъ объ Италии опять становится въ умы Европы, опять становится на первомъ планѣ. И опять громъ оружий и военные клики оглашаютъ эту прекрасную страну, и опять ся благородные сыны своею кровью орошаютъ родныхъ поля! И Богъ знаетъ когда и чѣмъ это можетъ окончиться? «Мы слишкомъ опасаемся за усиление сицилийского восстания» — замѣчаѣтъ *Times* въ статьѣ, о которой мы упомянули. «Но что всего хуже, такъ это то, что оно подастъ поводъ Австро-Италии и Франціи къ новому вмѣшательству въ дѣла Италии. Что касается до видовъ первой изъ этихъ державъ, въ настоящее время ихъ трудно предугадать; несомнѣнно однако, что теперешнее положеніе неаполитанского королевства угрожаетъ еще большему захватуности европейскимъ дѣламъ.»

С М Ъ С Ь.

Оеодосія, 19 июня. Городская жизнь.—Железнія дорога.—Переселеніе татаръ. Крымскіе портовые города, какъ и все побережье Чернаго и Азовскаго моря, жили всегда вѣнчано торговлею. Такъ было въ древнія времена, такъ и теперъ. Тѣ благодатныя пристанища Крыма, въ которыхъ гнѣдалась торговля древнаго міра, утратили давно свой блескъ и свое міровое значеніе, какими они славились когда-то; но все же вѣнчаны торговля питаѣтъ до сихъ поръ и Керчь и Феодосію и Евпаторію, хотя, правду сказать, весьма скучно питаетъ. Вѣнчаная торговля быстро зараждалась на нашемъ побережье, быстро возросла известными пушки-

ми сго на высокую степень благосостоянія — и такъ-быстро потому убивала въ нихъ, иной разъ, и всякий сдѣлъ жизни не только характеръ той кипучей деятельности человѣка, который сообщаѣтъ ему торговлю вообще.

Заглянетъ ли опять въ шапкѣю Феодосію вѣнчаная торговля въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она развивалась въ Феодосіи греческой и въ Каїф генуэзской? — Любопытный вопросъ, на который конечно могутъ отвѣтить только время и обстоятельства. Феодосійская железнія дорога, предметъ надежды и ожиданій не для одной только Феодосіи, — вотъ жизненный залогъ едь бу-

дущаго. Уже при одной вѣсти о железнѣй дорогѣ Феодосія какъ бы вспрѣнулась отъ своего тяжелаго, вѣковаго сна, и тотъ, кто видѣлъ Феодосію 3—4 года тому назадъ, навѣрѣ бы въ ней теперь большую перемену. Во многомъ измѣнился и вѣнчаный видъ города, и внутренняя городская жизнь стала оживленѣе. Населеніе города, въ три — четыре года, болѣе чѣмъ удвоилось: въ 1857 году *Новорос. Календ.* показывалъ въ Феодосіи жителей только 3670 душъ, а въ налѣдорѣ изъ 1860 года ихъ показано 7520 душъ. Тогда какъ городское населеніе Феодосіи прежде, въ теченіи десятиковъ лѣтъ, колебалось постоянно между 3 и 4 т. (*Статист. табл. городов Росс. Имп. изд. въ 1842 г. Мин. В. Д.*) Съ устройствомъ здѣсь конторы феодосійской железнѣй дороги, посыпало въ городѣ много французовъ, какъ служащихъ общества, такъ и постороннихъ: торговцевъ, ремесленниковъ и рабочихъ. Въ Феодосіи теперь есть французскіе гостилицы, кафе-рестораны, есть французъ портной и французъ парикмахеръ, французы булочники и мясники, нѣсколько модистокъ — француженокъ и т. д. Все это придало прежней Феодосіи, находившейся въ такомъ заустѣніи, какъ-бы послѣ севастопольского погрома, какой-то новый, оживленій видъ; но въ то-же время это самое, кажется, и увеличило замѣтно дорожную на квартиры и на всѣ жизненные потребности. Число потребителей увеличилось, а производители, какъ видно, остались тѣ же, и потому возрасли цѣны на ихъ произведенія. Но отъ этого политико-экономического объясненія нѣсколько не легче тѣмъ, кто живѣтъ службой или вообще опредѣленнымъ жалованьемъ. — Съ обновленіемъ города, рядъ общественныхъ увеселеній, прежде довольно рѣдкихъ въ Феодосіи, тоже значительно увеличился. Ими особенно была богата послѣдняя зима. Завелись благородныя спектакли, базы, благотворительныя концерты, стали пѣсѣнѣть артисты. Между ними мы замѣтимъ особенно молодого и весьма даровитаго пѣсѣнѣста, г. Фельдау, который въ два своихъ проѣзда чрезъ Феодосію даѣтъ здѣсь по одному концерту. Мы не глубокіе знатоки музыки, чтобы судить о прекрасной и живо трогающей душу игрѣ г. Фельдау; но не можемъ не сказать, что давнѣе имъ въ Феодосіи два концерта оставили во многихъ отрадное воспоминаніе. — Здѣсь гостить теперъ около двухъ мѣсяцевъ труппа русскихъ актеровъ, подъ управлениемъ г. Возкова, которая даѣтъ и пяти-актныя драмы и водевили, и какъ кажется, не можетъ показываться особенно на равнодушіе здѣшней публики.

Но въ послѣднєе время всѣ постройки и другія предприятия въ Феодосіи, затѣмнѣя въ надеждѣ на железнѣй дорогу, какъ-то медленно подвигаются впередъ. Такъ что и начатия въ этомъ году около Феодосіи работы по дорогѣ не произвели особенного вліянія на различныхъ предпринимателей и капиталистовъ. Всѣ они пока ждутъ и не рѣшаются затрачивать своихъ денегъ на предприятия, которые еще Богъ знаетъ ког-

да станутъ приносить доходъ, хотя почти всѣ свободныя городскія мѣста давно уже разобраны и раскуплены, и у многихъ лицъ заготовлены материалы для построекъ. Безъ сомнѣнія все это происходитъ отъ того, что работы по железнѣй дорогѣ начаты довольно поздно и ведутся по съ той энергіей и быстротой, какъ-бы того требовала серьезность самаго дѣла: тамъ, где едва достаточно пять-шесть тысячъ рабочихъ, где нужно нѣсколько миллионовъ рублей въ годъ на расходы по работамъ, тамъ работаетъ что-то всего около 2 т. человѣкъ и асигновано, какъ говорятъ, не болѣе одиннадцати р. на работы. Мы изъѣзжали, по слухамъ, что на дорогѣ работаетъ около 1500 татаръ, кроме рабочихъ, приведенныхъ изъ внутреннѣхъ губерній. Но татары пышно живутъ на недѣлю, другую не болѣе; всѣ ихъ мысли и заботы заняты исключительно переселеніемъ въ Турciю; и потому они теперъ несдѣланы работники какъ для себя, такъ и для другихъ. Этотъ несчастный народъ разоряется теперъ въ конецъ и живѣтъ какъ-то на бывукахъ. Грустно смотрѣть на всѣ ихъ сборы въ выселенію. Многи изъ нихъ не сѣвали никакаго хлѣба въ этотъ годъ, а тѣ, кото-рые сѣли, продаютъ его за безцѣнокъ или бросаютъ на пиръ своимъ пособьямъ, или выталкиваютъ и выбрасываютъ ихъ скотомъ; продаютъ свой скотъ, лошадей, коровъ, даже привозятъ на базары и продаютъ черепицу, которую снимаютъ съ своихъ домовъ. Въ Карабузларѣ, Симферополѣ и даже здѣсь въ Феодосіи лошадь, стоявшая прежде отъ 40—60 р. продаєтъ теперъ за 10 или 15 р. Рабочіе быки, коровы, мелкій скотъ и овцы идутъ въ подобной же цѣнѣ.

Феодосія перенесена въ настоящую минуту этими переселенцами. Татарское предмѣстіе города, въ ханы и козеини набыты биткомъ татарами изъ деревень, пришедшими садиться на суда. Съ утра до ночи вы встрѣчаете на улицахъ телѣги, нагруженныя татарами ссыльными, со всѣмъ ихъ домашнимъ скарбомъ и имуществомъ. На днѣхъ на феодосійскомъ рейдѣ стояло до 11 турецкихъ судовъ и кочерьи и одинъ пароходъ, (принадлежащий князю Гагарину); всѣ они пришли за татарами. Въ Евпаторію, говорятъ, пришло тоже за ними до 20 турецкихъ судовъ. Пароходъ князя Гагарина уже въ третій разъ отправляется изъ Крыма съ грузомъ татаръ, и высаживаетъ ихъ въ Варнѣ. Въ послѣдній разъ на немъ ушло до тысячи человѣкъ.

Выселеніе татаръ страшно тревожитъ (и по справедливости) всѣхъ крымскихъ хозяевъ. Это такой важный, можно сказать, жизненный вопросъ для края, что страшно слышать, а тѣмъ больше читать о немъ равнодушные отзывы некоторыхъ. Страшно слышать мнѣнія о томъ, что татары составляли безполезное, вредное населеніе для Крыма. Но это были единственная рабочія руки у страны. Безъ нихъ Крымъ совершенно опустѣтъ, и кто знаетъ когда и какъ они снова

заселится? Не легкое дело двести-тысячное население края заманить новымъ. И потому—къмъ заманить? Кто, напримѣръ, заеть степное пространство между Феодосией и Керчию, между Чонгарами и Арабатомъ? Кто заеть эти солончаковые степи по берегамъ Сиваша? Здѣсь нѣть ни рѣчекъ, ни ключей, ни колодцевъ, здѣсь отвратительную воду изъ т. и. аутовъ могутъ пить одни только, привыкающіе къ тому съ дѣтства, степные татары. (Ауты—это небольшія, вырытыя въ степи озера или ямы, въ которыхъ собирается и застапняется дождевая вода). «Солончаковые степи, говорить г. Раде (Ботанич. физион. Крым. Полустрова) самая бесплодная и необрабатанная; недостатокъ годной къ питью воды дѣлаетъ ихъ къ населенію неудобными. Домашній скотъ, исключая однихъ верблюдовъ, не трогаетъ ни одного растенія на солонцахъ; и вся хозяйственная польза ихъ состоитъ единственно въ прокормленіи этихъ умѣренныхъ животныхъ. Они одни остаются на здѣшнихъ степяхъ, до первого снѣга, бродя по нимъ по одиночкѣ безъ настуходъвъ». Новое населеніе не осидается на этихъ степныхъ пространствахъ и послѣ третьаго поколѣнія.

Въ извѣстіяхъ изъ Крыма, помѣщенныхъ въ 60 № Одесск. Вѣсти., весьма вѣрно указано какъ трудно заманить въ горной части Крыма и на южномъ берегу горскаго татарина другимъ рабочимъ. Но не только рабочіе изъ равнинныхъ мѣстъ,—самый скотъ и лошади, приведенные изъ другихъ частей Россіи, оказываются въ крымскихъ горахъ совершенно непригодными.

Татарская лѣнь—это выраженіе сдѣлалось у насъ ходачимъ, вошло въ поговорку. Но насколько въ немъ истины—это еще вопросъ. Едва-ли татаринъ не работаетъ въ теченіи года столько-же (если еще не больше) сколько и другой какой-бы то ни было рабочій. У татарина нѣть во первыхъ такого множества рабочиковъ въ году, какъ у насъ; во-вторыхъ татаринъ трезвъ: пьянство между мусульманами составляетъ весьма рѣдкое исключеніе; и потому гульба и прогулываніе рабочихъ дней—у нихъ не бывало дѣла. Степной татаринъ круглый годъ работаетъ въ полѣ, *въ поть лица своего*, какъ и всякий другой землемѣдѣлецъ. Говорятъ, что онъ служилъ доселѣ по-мѣхой рациональному способу хозяйству въ Крыму. Но чѣмъ лучше, хотѣли-бы мы знать, крестьянское хозяйство по сосѣдству съ татарами не толь-

ко въ таврической, но, напримѣръ, хоть въ херсонской губерніи или въ бессарабской области?—Инициатива всѣхъ сельско-хозяйственныхъ улучшений не могла идти отъ народа—ни въ крымскихъ, ни въ другихъ степныхъ хозяйствахъ юга, будь тамъ татары или русскіе, все равно. Это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Но при иныхъ отношеніяхъ, при другой обстановкѣ—и степной татаринъ вѣрно сталъ бы столь-же хорошимъ землемѣдѣльцемъ, какъ и всякий другой.

Какъ-бы то ни было, если выселеніе татаръ изъ Крыма грозить краю хотя временными бѣдствіями, то и это уже такой вопросъ, о которомъ стоитъ подумать. Многія хозяйства уже теперь, когда ушла только одна часть татаръ, страшно страдаютъ. На мѣсто ушедшихъ новыхъ рабочихъ руки къ намъ не явилось: *косарь*, напримѣръ, получаетъ теперь здѣсь 1 р. с. и болѣе въ день, на хозяйственныхъ харчахъ, и какъ говорятъ, большая часть сѣнокосныхъ полей, при рѣдкомъ уражѣ травъ инышиаго года, останутся не выкошенными. Хлѣба дозрѣли, а съемщикъ или нѣть вовсе или они страшно дороги: многіе даютъ третій спопъ—и на это условіе не находится охотниковъ. Все это грозитъ краю въ будущемъ страшной дороживизной и хлѣба и ства.

Горскіе татары еще не трогались массами и цѣльными деревнями, подобно степнымъ; имъ это не такъ легко, такъ какъ почти каждый изъ нихъ владѣетъ въ собственность либо фруктовымъ садомъ и небольшимъ виноградникомъ, либо отдельными участками земли. Они уходятъ пока только небольшими партиями, но вѣрно безъ исключенія готовятся къ выселенію. Что тогда становится со всѣми садами и виноградниками горныхъ мѣстъ и южного берега, гдѣ имѣть рабочихъ еще труднѣе, нежели въ степяхъ? Обработка садовъ въ горахъ требуетъ опыта и большаго навыка, и нѣмы рабочимъ, которые еще Богъ вѣсть когда пріѣдутъ въ Крымъ, пріѣдетъ долго учиться, пока они станутъ полезными для края. А до того времени что будутъ дѣлать небогатые владѣльцы садовъ и виноградниковъ, которыхъ здѣсь не мало и для которыхъ ихъ виноградники составляютъ единственное средство къ существованію?

ПРАВИЛА о приемѣ бесплатныхъ Лазаревскихъ, духовныхъ и приготовительного отдѣлія воспитанниковъ.

Начальство Лазаревского Института восточныхъ языковъ считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія Армянъ, живущихъ въ Россіи, кои желали бы помѣстить дѣтей или родственниковъ своихъ въ число воспитанниковъ: 1) Бесплатныхъ Лазаревскихъ, 2) Духовныхъ и 3) Приготовительного отдѣлений Института, что отнынѣ вперед не паче могутъ быть приняты мальчики въ упомянутые разряды бесплатныхъ воспитанниковъ, какъ съ соблюдениемъ нижеслѣдующихъ условій и правилъ, а именно:

1. При подачѣ просьбы о принятіи въ число такихъ воспитанниковъ должны быть прилагаемы свидѣтельства: о рождении и крещеніи, о привѣти осѣ, о званіи родителей и о недостаточномъ состояніи; принадлежащіе же къ податнымъ состояніямъ сверхъ того должны представлять увольнительныя свидѣтельства отъ своихъ обществъ.

2. Отъ поступающихъ въ Институтъ въ началѣ академическаго года требуются слѣдующія свѣдѣнія:

Для поступленія въ *первый* классъ: Изъ Закона Божія важнѣйшая молитвы, Символъ Вѣры и Заповѣди Господни. Читать и писать по-русски, по-армянски и по-французски. Четыре первыя дѣйствія ариометики.

Для поступленія во *второй* классъ: Изъ Закона Божія — Краткій катехизисъ. Изъ ариометики — импнованныя числа, простыя и десятичныя дроби. Изъ Русскаго языка — начала грамматики. Изъ армянскаго языка — главнѣйшая формы измѣняемыхъ частей рѣчи, формы склоненій именъ, мѣстоименій и спряженіе глаголовъ правильныхъ. Изъ Географіи — общій обзоръ. Изъ французскаго языка — формы спраженій.

Для поступленія въ *третій* классъ: Изъ Закона Божія — Краткая исторія Новаго Завѣта. Изъ Математики — вся ариометика. Изъ русскаго языка — этимологія въ подробности. Всеобщая Исторія въ краткихъ очеркахъ. Изъ французскаго языка — этимологія, главнѣйшая правила синтаксиса, переводъ легкихъ отрывковъ съ французскаго.

Для поступленія въ *четвертый* классъ:

Изъ Закона Божія — Притчи Евангельскія и исторія патріарховъ, пророковъ, апостоловъ и другихъ знаменитыхъ мужей, упомянутыхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ. Изъ Математики — подробное знаніе ариометики; изъ Геометріи — до пропорциональныхъ линій. Изъ русскаго языка — синтаксисъ. Изъ армянскаго — синтаксисъ. Всеобщая Исторія и русская исторія въ краткихъ очеркахъ. Географія Европы. Изъ

французскаго языка — подробное знаніе синтаксиса, переводъ съ французскаго на русскій языкъ ^{*)}.

Примѣчаніе. Требование вышеуказанныхъ свѣдѣній не распространяется на желающихъ поступить въ Приготовительное отдѣленіе, въ которое принимаются дѣти отъ 8 до 10 лѣтъ, безъ всякаго экзамена.

3. Только тѣ мальчики изъ Арміи могутъ быть приняты въ вышеупомянутые три разряда бесплатныхъ воспитанниковъ Института, которые приготовлены по изложенной выше программѣ. Для вѣрѣнія достиженій этой цѣли Институтское Начальство обращается съ симъ вмѣстѣ къ мѣстнымъ армянскимъ училищамъ, находящимся въ Тифлісѣ, Эриванѣ, Эчмадзинѣ, Нахичеванѣ на Дону, Феодосіи, Астраханѣ и въ другихъ городахъ, съ просьбою подвергать испытанію по институтской программѣ вызываемыхъ кандидатовъ въ бесплатные воспитанники и снабжать ихъ всякий разъ свидѣтельствами въ достаточности, требуемыхъ для поступленія въ одинъ изъ четырехъ классовъ, познаній. И потому

4. Родителямъ кандидатовъ въ бесплатные воспитанники поставляется въ обязанность, по полученіи письменного разрешенія отъ институтскаго Начальства, прежде отправки оныхъ кандидатовъ въ Москву, представить ихъ на предварительное испытаніе въ упомянутые училища и не иначе отправлять ихъ въ Институтъ, какъ по полученіи отъ сихъ послѣднихъ удовлетворительныхъ свидѣтельствъ, которыя свидѣтель-

^{*)} Руководства: а) по Закону Божію — Հայութափառներ Մինիստրից, его же Քրիստոնութեան, его же Առաջին Առաքիլ Քրիստոնութեան և Քրիստոնութեան մատրակներ. б) По Армянскому языку — Грамматика армянского языка Эмина.

с) По русскому языку — Смирнова учебникъ русскаго языка, курсъ первый для *перваго* класса, и курсъ второй для *втораго* класса; для *третьаго* класса — Перевѣтскаго Практическая русская грамматика, часть III.

д) По ариометикѣ — для *перваго* класса Руководство къ ариометикѣ Буссе, часть I; для *втораго* класса того же руководства часть II; для *третьаго* класса — Перевѣтскаго Гимназическій курсъ чистой математики, часть III, Геометрія.

е) По Географіи — Оболовскаго Всеобщей географіи учебная книга.

ғ) По Исторіи — для *втораго* класса — Берте Всеобщая Исторія въ разсказахъ для дѣтей. Для *третьаго* класса — Руководство къ первоначальному изученію Русской Исторіи Устрялова.

g) По французскому языку — для *перваго* и *втораго* классовъ — Firmin, le guide de l'enfance, ou cours pratique de la langue fran莽aise 脿 l'usage des commen莽ants; для *третьаго* класса — Noël et Chapsal, Abr猫g茅 de la grammaire fran莽aise.

ства должны они предъявлять въ Правление Института по приѣздѣ въ Москву. Безъ этихъ свидѣтельствъ никто не имѣтъ права на поступленіе въ число бесплатныхъ воспитанниковъ Института.

5. Вызванные кандидаты въ бесплатные воспитанники упомянутыхъ трехъ разрядовъ, по прибытии въ Москву, не иначе могутъ быть приняты въ Институтъ, какъ по ручательству въ Москвѣ находящагося лица — родственника или знакомаго — письменно обязавшагося принять его обратно въ случаѣ увольненія изъ Института по причинамъ уважительнымъ до окончанія курса ученія.

6. На отѣзду увольняемымъ изъ Института бесплатнымъ воспитанникамъ до окончанія ученія, равно и кончившимъ въ ономъ полный курсъ ученія не выдается никакого денежнаго пособія. И потому

7. При опредѣлении ихъ въ Институтъ родители или родственники должны вмѣстѣ съ прочими документами представлять также письменное обязательство, что въ случаѣ увольненія ихъ дѣтей или родственниковъ изъ Института послѣ и до окончанія полнаго курса ученія по какимъ либо причинамъ, они, родители или родственники, принимаютъ на себя путевыя издержки; а желающіе помѣстить въ Духовное Отдѣленіе сверхъ того должны представить обязательство, что они ни въ какомъ случаѣ не будутъ утруждать Начальство Института просьбами объ освобожденіи дѣтей или родственниковъ ихъ отъ службы при Армяно-Григоріанскихъ церквяхъ, семинаріяхъ или консисторіяхъ.

8. Въ бесплатные Лазаревскіе воспитанники принимаются преимущественно дѣти изъ бѣдныхъ досрлийскихъ армянскихъ фамилій.
